

КАФКА КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО

© 2012 В.Ш.Кривонос

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 28.05.2012

Заметки посвящены восприятию творчества Кафки в России.

Ключевые слова: Кафка, абсурд, надежда.

Второй курс филфака, литературный кружок, спорим о Гоголе. Один из спорящих сравнивает Гоголя с Кафкой. «А вы читали Кафку?» – иронически спрашивает руководитель кружка. Нет, Кафку не читал, только о Кафке. Никто не читал, все только слышали.

«Надо бы почитать», – задумывается однокурсник, промышленный фарцовщик. И через пару недель приносит томик: Кафка в английском переводе. «Просвещайся, – говорит он мне. – Потом расскажешь, о чем».

Many years ago... Тарту, студенческая конференция, вечером в кафе с Катей Г., уже аспиранткой, и с ее мужем, тоже аспирантом, но другого профиля. Кофе, пирожные, светский разговор. Довольна, что поселилась в гостинице, а не в общежитии, с этими *галками*, как она называет студенток. За соседним столиком нервничают эстонцы. Официантка грозит им пальчиком и фальшиво улыбается нам. Катя рассказывает, как ей повезло: недавно в *букинисте* подошел к ней парень и предложил купить у него... кого бы вы думали? Кафку! Причем по номиналу!!

Действительно, редкая удача. Кафка – и по номиналу...

Членкор Б. в методологической книге выражает недоумение по поводу *тощих оппозиций* структуралистов и констатирует, что, вопреки ожиданиям, *ажютажа* изданный по-русски Кафки не вызвал. Еще бы! Дефицит, все по спискам: австрийская обувь, немецкое пиво, чешская мебель, книги в супере...

После университета работаю в районной газете, готовлюсь к кандидатским экзаменам. В начале октября сдавать английский, но льют дожди, дороги развезло, автобусы не ходят, одна надежда на Волгу. Вечером по расписанию теплоход, народу на пристани никого, нет и теплохода. Заваливается блатная компания, весельчак с гитарой отделяется и подсаживается ко мне, знакомимся. «Что почитываем?» Перевожу: «Процесс», «Приговор», «В исправи-

тельной колонии». Рассказываю, о чем. «Парень студент, пусть учится», – зовут его. Внезапно гаснет свет. Новый знакомый приносит мне фонарь. «Ученье – свет, – говорит он наставительно. – Как звать-то писателя? Кафка?» Утром приходит теплоход.

Встречаюсь с дочкой известного в городе психиатра, зван на ужин. Девушка избалованная, семья интеллигентная, планы неопределенные. Психиатр интересуется, как продвигается диссертация, предлагает пристроить на работу по ее завершении. «Я ведь врач, – говорит он, – а врач всем нужен». И показывает рукой куда-то вверх. «Папуля, ты милый», – целует его в щеку дочка. Психиатр тает: «Коньячку? Вообще не пьет? Ну ладно, вдругорядь». *Папуля* – большой ценитель литературы, особенно зарубежной. Но Кафку, как выясняется, не читал. Дочка делает большие глаза. Пора прощаться. «Заходите как-нибудь... на огонек, – приглашает психиатр, – поговорим... о Шиллере, о славе, о любви... Кстати, у вас случайно нет Кафки? В русском переводе?». Обещаю раздобыть. «Мой пациент», – говорит он, возвращая книгу.

Летом под Казанью, двухмесячные военные сборы, лес, комары, портянки, все с законченным высшим. Таскаем мешки на склад и со склада. «У меня здесь умственной работы нет», – разъясняет нам старшина. Один из *курсантов*, только женившийся, по ночам ворочается и стонет. Наконец выскакивает из палатки и громко кричит, где именно он *видал* эти сборы. На утренней поверке начальник сборов, майор Дурылин, объявляет, что его произвели в подполковники. «Жена еще не знает», – смущенно улыбается он. «Абсурд, товарищ майор, – говорит ему кричавший. – Мы знаем, а жена не знает. Это Кафка!» Хором поздравляем новоиспеченного подполковника.

Застой. Время читать. Пианиста и дирижера К., любимца местной публики, ловят с поличным: нес в портфеле издания, цензурю не дозволенные. На партийно-профсоюзном собрании делает вид, что кается: читал, но не распространял. От преподавания, тем не менее, от-

^o Кривонос Владислав Шаевич, доктор филологических наук, профессор. E-mail: vkriconos@gmail.com

страняют. В филармонии оставляют, но не дирижировать, а только для игры на инструменте, то есть рояле. «Можно и петь, – пытается шутить К., – но нет голоса».

Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью...

Начало восьмидесятых. Встречаю знакомого, давно не виделись. Просит никому не говорить: лежал в *психушке*. Белая горячка или типа того. «Не могу, – жалуется, – смотреть на все это... не могу-у! Вот и...» Располнел, щеки со спины видать. «Лекарства?» «Нет, какие лекарства. Хорошее питание: у нас так только психов и чахоточных кормят». Помолчали. «Будто на убой», – добавляет он. И делает выразительный жест: «Как собака».

Июль девяностого, ночью прилетаю в Баку, где произошли *события*, навестить мать и встретиться с друзьями, людей в аэропорту и вокруг тьма, автобусы и машины в город не пропускают: комендантский час. В пять утра едем. На дороге посты, танки, солдаты с автоматами и в бронезилетах. Школьный приятель, азербайджанец, рассказывает, что жену-армянку с детьми удалось отправить в Германию. Повезло: он хирург-онколог, зам. директора института, нужный человек, *сделали* документы. «Так что она теперь еврейка, – смеется он, – а я – отец еврейских детей. *Money, money, money...*»

...стальные руки-крылья...

В Самаре закрывают магазин «Академкнига», было их когда-то два, теперь вот и этот... Место хорошее, почти центр, как раз для *элитного* супермаркета... Распродажа оборудования и «Лит. памятников», среди которых (Oh boy! I love it!) обнаруживаю «Замок». Есть в собрании сочинений, есть и отдельное издание, но покупаю. Кафка в «Лит. памятниках»! Кто бы мог поверить...

Все выше, и выше, и выше...

Экзамен на журфаке по русской литературе XIX века, студент-отличник, краса и гордость курса, колонка в газете и передача на TV, излагает краткое содержание романа «Преступление и наказание». Зачем-то интересуюсь, читал ли он Кафку. Уверенно отвечает, что читал, но давно. Да, конечно, конечно... А о Кафке он что-нибудь читал? Читал, но не помнит автора. «А это требуется по программе?» Нет, нет... разумеется, не требуется. Ставлю «отлично».

Недавно прочитал в воспоминаниях о Кафке: «Даже когда его уже мучила болезнь, он продолжал улыбаться. Что-то египетски загадочное было в выражении его лица».

Ночной город, человек, рассказывающий истории, *свидетельства одиночества*.

Надежда и абсурд... Абсурд и надежда...

KAFKA AS EVIDENCE

© 2012 V.S.Krivosos^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

Notes are devoted to perception of Kafka's works in Russia.

Keywords: Kafka, absurdity, hope.

^o Vladislav Shaevich Krivosos, Doctor of Philology, Professor. E-mail: vkrivosos@gmail.com